

Как удалось заполучить комнату в огромной коммуналке в пяти минутах от знаменитого Арбата, Мария Валентиновна не любила вспоминать. Что ворошить былое? Она была молодой, привлекательной, и поклонники нередко совершали ради неё необдуманные поступки.

Впрочем, со стороны Бельского и не было никакого безрассудства. Человек вхож в нужные кабинеты, имеет влиятельных знакомых. Ей так казалось. Потом узнала: Бельский любовник престарелой начальницы отдела кадров, по совместительству секретаря партийной организации (парторга), а в свободное время от идеологической и кадровой работы – большой любительницы телесных утех. Вот она, надёжный и проверенный годами товарищ, действительно была вхожа в нужные кабинеты и имела влиятельных друзей. Бельский всего лишь запоздалая любовь немолодой женщины, когда-то мечтавшей о любви, муже, детях, но не заметившей в пылу партийной прыти скоротечность обывательской жизни.

Когда Мария Валентиновна, тогда ещё пятикурсница Маша, сдавала государственный экзамен – научный коммунизм и готовилась к защите дипломной работы, её мама, Алла Петровна, металась по родной Рязани в поисках Паши – Павла Борисовича Иванова. Когда-то он, главный инженер рязанского дорожно-строительного управления, ухаживал за ней. И он, и она были несвободны, но разве настоящей любви условности и преграды могут помешать? Роман был бурный, с цветами, подарками, тайными встречами за городом...

Вскоре чувства улетучились, и они расстались. Но она хорошо запомнила его заверения: «Если что, всегда готов!».

И вот «если что» наступило. Дочери, никогда не числившейся в списках лучших студентов, грозило распределение в Луховицы, Можайск или... Рязань, если, конечно, повезёт. Алла Петровна такого поворота в судьбе дочери допустить не могла.

Последние два года она только и мечтала, как близким и друзьям преподнесёт сюрприз: моя Маша – москвичка. Пусть завидуют!

Павел Борисович нашёлся в московском главке, где занимал не последнее место. Как Алла Петровна попала к нему на приём, сразу ли он узнал в располневшей даме страстную Аллочку, и было ли между ними что-то – тайна, интересная немногим. Важнее результат – превосходное распределение: московский проектный институт с общежитием.

Маша, как молодой специалист, имела право на получение жилья, что и случилось ровно через три года. Институт гудел как самовар, узнав такую новость. Проектировщики и сметчики, инженеры и технологи, бухгалтеры и плановики обсуждали небывалое событие: Маша Егорова, рядовая сотрудница без особых способностей и талантов, получает жильё. И какое? Комнату в коммуналке, предназначенную Оленьке Гусевой.

Сама Маша узнала, что её персону вызывает неподдельный интерес, случайно, в дамской комнате.

– Татьяна Викторовна, о чём вы говорите? С этой Егоровой всё понятно. На лице всё написано.

– Ну, что вы, Ниночка?! – Маша распознала голос экономиста из планового отдела. – По внешности трудно судить о человеке.

– Ой, не знаю. Может быть, и трудно. Но Егорова ещё та штучка. Просто шлюха!

– Разве дело в Егоровой? Она своё получит. Меня больше волнует Оленька. Как теперь она будет.

– Ой, и правда! Оленьку жалко, сил нет.

Разговоры, что она шлюха, её почти не тронули. Пусть говорят. Завидуют, вот и говорят. Но кто такая Оленька? Почему о ней так пекутся? И какое она имеет отношение к её комнате? Маша забеспокоилась. Комнату она уже видела, не ахти какая, но в центре и... своя! Разве она смела мечтать о таком год назад?! Если бы не Бельский!

* * *

Чуть больше года назад, пятого ноября, институтские дружно готовились так же дружно отметить приближение очередной даты Октябрьской революции. Большая часть сотрудников, явившись на работу без опоздания и нервно отсидев двадцать-тридцать минут на рабочих местах, рванули по ближайшим магазинам в поисках дефицита и... не дефицита. Оставшиеся дежурные чистили картошку, резали салаты, попутно отвечая на телефонные звонки. К обеду отоваренные продуктами сослуживцы плавным ручейком потекли назад в институт. Постепенно замолкли телефоны, документы, с утра разложенные на столах, так, на всякий случай, вернулись на полки, праздничный стол радовал глаз разнообразием, женщины наносили последние штрихи красоты...

В томительном ожидании прошло ещё несколько часов, многие не выдерживали, закрывались в кабинете и украдкой наполняли, по чуть-чуть, разнокалиберную посуду. В четыре часа вечера все собрались в актовом зале и, поглядывая на часы, рассеянно выслушали торжественные выступления секретаря партийной организации и профсоюзного лидера и, еле-еле дождавшись последнего слова выступающего, разбежались по кабинетам...

К часам шести вновь стали собираться в актовом зале. Зазвучала музыка и начались танцы. Зал заполнился нарядными женщинами и непривычно развязными мужчинами. Смех, шутки, и чем больше пустели запасённые бутылки, тем громче звучали голоса и исчезала скованность в движениях.

Несколько сотрудниц, известные своим любопытством к человеческим слабостям, расположились в конце зала, они с интересом наблюдали за распоясавшимися коллегами. Уже завтра из отдела в отдел поползут слухи, кто сколько выпил и вёл себя неподобающе; кто с кем танцевал, слишком тесно прижавшись разгорячёнными от вина телами, кто с кем закрылся в пустом кабинете и находился там до неприличия недопустимое время, кто кого пошёл провожать. Эти собранные факты либо забывались, если не имели подпитки, либо обрастали подробностями и становились достоянием длительных пересудов.

В самый разгар праздника Маша засобиралась домой, но знакомый парень из планового отдела остановил:

– Уходишь? Что ты?! Через час начнётся самое интересное. «Бабки» скоро разбегутся, и можно будет оторваться. Оставайся.

– Что-то не хочется. У нас в отделе скучно, никто не танцует.

– Зато у нас весело! Пошли к нам. У нас, сама знаешь, коллектив молодой. Пошли.

Парень обнял Машу за плечи и потянул за собой, она не стала сопротивляться.

В плановом отделе за столом сидело человек пятнадцать, многие из других отделов. Входная дверь то и дело издавала резкий скрипящий звук, выпуская новых гостей или выпуская старых.

Вскоре Маша и ещё несколько человек, весело переговариваясь, спустились в танцевальный зал. Звучал голос Софии Ротару «Лаванда, горная лаванда». Она не заметила, как оказалась рядом с Михаилом Алексеевичем Бельским, он бесцеремонно подхватил её и прижал к себе. Он и других женщин приглашал так танцевать: подойдёт сзади или сбоку, ничего не говоря, обнимет за плечи или талию и ведёт в центр зала.

– Я тебя раньше на наших вечерах не замечал.

– Первый раз решила остаться.

– Правильно. У нас праздники всегда весело проходят.

Следующий танец они опять танцевали вместе, потом он куда-то ушёл, вернулся, ушёл.

Когда стрелки часов подходили к десяти часам вечера, Маша, натамцевавшись, поднялась в кабинет. Скрипнула дверь, она оглянулась. Бельский. Сердито взглянув на гору грязной посуды и десяток пустых бутылок, усмехнулся:

– Хоть, кто бы догадался убрать. Пока не прикажешь – никому ни до чего нет дела. Вот свиньи. Ладно. С этим завтра разберёмся. Они знаешь, где у меня? Вот где. Я их всех имею, как хочу. – Он сжал кулак и погрозил закрытой двери. Вскинув головой и взглянув на Машу мутными глазами, продолжил. – Всё будет завтра, сегодня праздник. Давай мы, Машенька, выпьем. – Он взял бутылку.

Она наблюдала, как прозрачная жидкость медленно стекает по заляпанным стенкам бокала.

«Нужно уйти» – подумала она.

– Ты, девочка, не спеши, – Бельский словно угадал её мысли. – Уйти всегда успеешь. Но знай, со мной лучше не ссориться. Если будешь девочкой

умной и мне понравилась, у тебя будет всё – и должность, и жильё. Подумай, девочка.

Маша Бельскому понравилась. Ох, как понравилась. Он даже на время забыл про своего парторга. Кадровичка сначала подшучивала над ним: «Что-то ты совсем забыл свою девочку», – потом пригрозила: «Смотри, кобель, был ничем, ничем и станешь». Бельский быстро вернулся в нужную постель, не забывая при этом и о Маше.

Вот тогда Маша и выдвинула ультиматум: «Хочешь на двоих работать – работай, но и расчёт имей. Говорил, всё в твоих руках. Докажи. Жить в общаге надоело и по твоим съёмным квартирам таскаться тоже. Хочу свой угол. Будет квартира или пусть комната в коммуналке, но своя, буду терпеть твои шашни со старухой. Нет – ищи себе другую дуру».

Бельский подумал-подумал и ответил: «Будет тебе угол!» – и потащил в постель.

И вдруг какая-то Егорова!?

Маша в этот же день поинтересовалась у Бельского, кто такая Оленька Егорова?

– Сметчица, из проектного. Рожать ей скоро. Профсоюз за неё. Но у меня сила, сама знаешь какая. Так что не волнуйся, скоро новоселье справишь.

Маша вспомнила маленькую, щуплую девчонку, старше её лет на пять. Такая незаметная, робкая, всегда первая поздоровается, пропустит вперёд в очереди. И зовут её точно! Ольга!

Когда-то Оленька Егорова встречалась с парнем, свадьбу назначили, но за месяц до росписи жених погиб. Кто-то с балкона бутылку из-под шампанского выбросил. Был человек и не стало. Оленька несколько лет в себя не могла прийти. Потом встретила другого, хорошо говорил, хорошо ухаживал. Но когда она забеременела, словно под землю провалился. Оленьку уговаривали аборт сделать, но она решила: буду рожать. И никто не осудил, слова плохого не сказал. Только все поддерживали и помогали.

Маше, конечно, Егорову жалко, но добровольно отказаться от комнаты?! Нет! Каждый устраивает свою судьбу, как может.

* * *

За тридцать с лишним лет, что Мария Валентиновна прожила на Арбате, изменилось многое. Нет проектного института, как и других проектных, научно-исследовательских и прочих организаций, заводов, фабрик. Нет страны, в которой она родилась, училась, работала. Из прошлого почти ничего не осталось. Даже друзья стали другими. Только комната в коммуналке. Её прошлое, настоящее и, надо полагать, будущее.

Замуж Мария Валентиновна не вышла. Не сложилось. Слишком долго не отпускал Бельский, всё требовал расплаты за арбатские метры. Успокоился, когда она ушла работать в другое место. Да и не до этого стало. За окном шумела перестройка. Другие мужчины, было их у Марии Валентиновны немало, попадались то женатые, то пьющие, или бесквартирные, и казалось ей, что любовь их замешана на прописке на её драгоценные метры.

Комната для Марии Валентиновны стала больше, чем стены, пол и потолок. Она словно приросла к ней душой, здесь дышалось, болелось легче, и приближающаяся старость не пугала. И вдруг соседка вечером говорит:

– Мария Валентиновна, вы как смотрите на разъезд?

– Какой разъезд? – сделала вид Мария Валентиновна, что не поняла, а ноги ватными сделались.

– Из коммуналки разъедемся по отдельным квартирам. Осточертело в общей ванной мыться и на одной кухне четырём хозяйкам толкаться. Покупатель хороший вариант предлагает. Каждой семье по отдельной квартире и ещё доплату. Мы согласились, и Петровы согласны. Аганесян сказал: ему всё равно, где жить. Лишь бы семью свою многочисленную перевести из Армении. Там войну ждут. Одна вы остались. Покупатель обещался к вам завтра утром приехать. Всё обговорить. Вы уж никуда не уходите. Я думаю, вам тоже соглашаться нужно. Хоть перед смертью в отдельной квартире поживёте.

– Соглашаться или не соглашаться, сама решу! А помирать я не собираюсь. Вас всех переживу! – зло проговорила Мария Валентиновна, хлопнула дверью и закрылась в своей комнате.

– Сколько влезет, столько и живите! – закричала ей вслед соседка. – Но переезжать всё одно придётся. Не захотите добровольно, заставим.

Мария Валентиновна не спала всю ночь, думала. Покупатель для их огромной, пусть и аварийной, квартиры не новость. Новые русские в малиновых пиджаках скупали арбатские дома этажами. На днях она разговаривала со знакомой, та жаловалась – во всём доме только в одной квартире остались старые жильцы, в других идёт аховый, по-новому, евроремонт.

– Жизни не стало, готова за тысячу вёрст уехать, лишь бы не видеть этих новых малиновых и зелёных бандитов. Хуже саранчи, хуже комиссаров в кожанках, – сетовала знакомая.

Она была из репрессированных, до революции её деду принадлежал подъезд, отец с матерью до ареста жили в квартире, дочь доживала свой век в двенадцатиметровой комнате, которую и ту вот-вот отберут.

Мария Валентиновна бежать «за тысячу вёрст» не собиралась. Стоять за свой угол будет до последнего. Так она решила.

Утром, как и было обещано, раздался дверной звонок. Мария Валентиновна слышала, как соседка открыла дверь, о чём-то переговорила с пришедшим или пришедшими, затем раздался стук:

– Мария Валентиновна, это к вам. Можно войти?

Мария Валентиновна ничего не ответила. Соседка приоткрыла дверь и, увидев, что хозяйка в строгом костюме, аккуратно причёсанная, сидит за столом, вошла и пригласила идущих за ней незнакомцев.

Среднего роста щуплый с цепким взглядом лысый негромко приказал:

– Здесь оставайтесь. Если что, я позову, – и два или три, Мария Валентиновна не разглядела, спутника его остались в коридоре.

– Меня зовут Михаил Алексеевич, – представился он, без интереса окинув взглядом комнату, и быстрее утверждая, чем прося, сказал: – Я присяду. Соседка засуетилась:

– Я, пожалуй, пойду.

На неё никто не обратил внимания. Михаил Алексеевич цепко смотрел на хозяйку комнаты:

– Не люблю ходить вокруг да около, поэтому сразу к делу. Я решил купить вашу квартиру. Понимаю, вы живёте тут давно, лет двадцать пять...

– Осенью будет тридцать один год, – весело сказала Мария Валентиновна.

– Тем более. Но я предлагаю вам отдельную однокомнатную квартиру в любом районе Москвы. Не буду скрывать, на окраине. Хотите в Марьино, хотите на Сходненской или Планерной. Мои адвокаты подберут вам любой

район. И неплохую доплату. – Он назвал сумму, у Марии Валентиновны перехватило дыхание.

«Сумасшедшая цифра в этих, как их долларах, – подумала она. – А если перевести на рубли?»

– Не хотите однокомнатную, можно двушку. Но доплата будет в три раза меньше. Но зачем вам двушка? Вы одинокая, детей нет. Думаю, лучше однокомнатную. Доплаты вам хватит безбедно прожить до конца дней. Я же всё равно буду здесь жить, вопрос только во времени. – Он посмотрел в глаза собеседницы, и Мария Валентиновна поняла: будет, как он сказал. – Хочу по-хорошему. Обычно такие вопросы решают мои люди. Но я старость уважаю, поэтому сам пришёл и предлагаю вам свои условия. Соглашайтесь, всё будет хорошо.

– Если я не соглашусь? Убьёте?

Михаил Алексеевич засмеялся:

– Зачем же сразу убивать!? Глупости всё это. Телевизор насмотрелись, вот и думаете, если человек с деньгами, то сразу бандит?

– Где же вы столько денег взяли?

– Заработал.

– Честно не зарабатываешь.

– Правильно, совсем честно в этой стране не зарабатываешь. Но можно заработать и без убийств. Мой бизнес – компьютеры. Слышали про такое?

– Почему вы говорите – эта страна, в этой стране? Что за мода такая? Словно и не живёте здесь, и не родились здесь и не учились?

– Меня мама тоже всегда ругала, почему говорю «эта страна», а не моя страна. Наверное, как и вы – телевизор насмотрелся.

Некоторое время в комнате было тихо, потом Мария Валентиновна спросила:

– Почему вы выбрали эту квартиру. Что, других больше нет?

– Есть. Я, в общем-то, не выбирал. Сказал: мне нужен Арбат, мне и подошли.

– Почему Арбат, других хороших мест что ли нет в Москве?

– Мама так хотела. Ей когда-то давали комнату в этом районе.

Михаил Алексеевич раздражённо посмотрел на часы, пустые разговоры его явно нервировали.

– Давали? – что-то в Михаиле Алексеевиче, было ему около тридцати, показалось Марии Валентиновне знакомым: небольшой рост, щуплый...

– Да, давали. Мама улицу, номер дома и квартиры называла, но я забыл.

– Так почему не дали? – в груди Марии Валентиновны всё сжалось.

– Что-то не сложилось. Знаю только, другая ордер получила. Мама же всю жизнь прожила в общежитии. Там меня родила и воспитала. Лишь когда заболела, согласилась из общаги перебраться ко мне за город. Перед смертью часто говорила Наталочке, это моя дочь: вот, внучечка, всю жизнь прожила, а оставить тебе нечего. Я ей тогда обещал: будет у твоей Наталочки квартира на Арбате. Так, что, Мария Валентиновна, надумали?

Мария Валентиновна с ужасом в незваном госте стала различать черты Ольеньки Егоровой. Только у той лицо светилось добротой и открытостью, а у него проглядывала хищность и беспощадность.

– Как звали вашу мать? – с замиранием спросила Мария Валентиновна.

– Ольга Алексеевна Егорова. И я Егоров. Михаил Алексеевич Егоров.

Мария Валентиновна побледнела и выдавила из себя:

– Я согласна.